

УДК – 811.161.1'36

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-79-88

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕЁ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Набиева С.Я.

Бакинский славянский университет

AZ 1014, г. Баку, ул. Сулеймана Рустама, д. 25, Азербайджанская Республика

Аннотация. В статье ставится вопрос о семантико-структурной цельности сложного предложения и даётся теоретическая характеристика этого конститутивного свойства сложных конструкций. Выдвигается идея о самостоятельности сложных предложений, как с точки зрения статики, так и с точки зрения динамики. В принципе вопрос о семантико-структурной цельности решается с позиций общего грамматического значения – их межкомпонентных смысловых отношений, обусловленных диалектикой соотносённости компонентов сложного предложения.

Ключевые слова: сложное предложение, структура, семантика пословицы.

SEMANTIC-STRUCTURAL UNITY AS A CATEGORICAL FEATURE OF COMPLEX SENTENCE AND ITS LINGUISTIC EXPRESSION

S. NABIYEVA

Baku Slavic University

AZ 1014, Baku, 25 Suleyman Rustam St., Azerbaijan Republic

Abstract. The article embraces the problem of semantic-structural wholeness being the main category of the syntax of complex sentence. The features of usage of factors, that ensure the semantic-structural wholeness in the Russian language have been systematized on the level of complex sentence. These means affirm not only the general sum of simple sentences, composing the complex sentence, but also the main idea of the sentence. The fact that a complex sentence is a means of expression shows itself exactly in the parameological system of units. Thus, in investigating the problem of the wholeness of a complex sentence it is not right to investigate the presence of materials of simple sentences, which establish the complex sentence. This case justifies itself in the system of parameological units.

Keywords: complex sentence, structure, semantics of proverbs.

Современная синтаксическая теория утвердилась в оценке сложного предложения как целостной единицы, обладающей собственными признаками семантико-функционального характера. Имеется целый комплекс синтаксических признаков, противопоставляющих простое и сложное предложения. Это признаки моно / полипредикативности, интонационного оформления (конструирования), грамматического значения и др. Эти и многие другие вопросы грам-

матической природы сложных предложений нашли своё глубокое освещение в работах Н.С. Пospelова [15, с. 321-337]; [15, с. 338-354], В.А. Белашапковой [3, с. 25-54], Г.В. Валимовой [5, с. 19-30] и других учёных.

Нет, видимо, особого резона включаться в полемику по поводу вопроса о грамматической природе сложного предложения; эта полемика в целом проводилась на материале анализа структур письменно-литературного языка, т. е. обычных предложений. Нам же предстоит разобраться в вопросе о семантико-структурной цельности пословиц сложной структуры (ПСС) различных видов. Главным в этом анализе становится вопрос, чем и какими способами достигается семантико-структурная цельность, «двуединство» компонентов в рамках ПСС.

Принято считать, что грамматическое значение сложного предложения – это то значение, которое формируется на основе межкомпонентных логико-синтаксических отношений, устанавливающихся в сложном предложении. П.А. Лекант отмечает: «Отличие сложного предложения от простого не количественное, а качественное. Сложное предложение имеет собственное грамматическое значение и грамматическую форму, собственные структурные показатели» [17, с. 496]. Данное мнение – одно из общепринятых в теории синтаксиса. Оно во многом обуславливает понимание сложного предложения как семантического целого и как функционального целого на коммуникативном уровне [см. 18, с. 425].

Сказанное означает, что на сложное предложение (если оно действительно сложное, а не сумма сочетаний простых предложений) нельзя смотреть как на

сумму предикативных конструкций. Сложное предложение – качественно иная, чем простое предложение, единица, характеризующаяся следующим качеством: семантика сложного предложения (его грамматическая семантика) организована диалектически. Эту диалектику прекрасно выразил А.А. Потебня, считая, что сложное предложение в целом является «развитием одного чувственного образа» [16, с. 188]. Эта мысль А.А. Потебни в других его работах получает необходимое развитие; автор считает, что формирование пословичных речений «принадлежит к числу явлений, имеющих огромную важность для человеческой мысли, можно сказать, характеризующий собою человеческую мысль...» [там же, с. 519]. Следовательно, обычные предложения (*Отряд прибыл на место назначения вовремя*) и пословичные конструкции – это фактически две разных формы мышления. ПСС представляют собою область проявления диалектики противоположностей. Значит, семантика, семантическая структура конструкций ПСС имеет твёрдую диалектическую базу, которая может быть истолкована лишь при наличии столкновения как минимум двух событийных фактов. И, когда мы говорим о семантической целостности ПСС, мы должны иметь в виду прежде всего эту логику соотносящихся внеязыковых событий, выражением которых являются части (компоненты) ПСС.

На наш взгляд, установление этой диалектической оценки достаточно для того, чтобы воспринимать сложные предложения (в данном случае ПСС) функционально-семантически целостной единицей, выражением

«единой сложной мысли». Все другие процессы, которые мы ниже будем рассматривать с позиций подтверждения целостности ПСС, так или иначе, имеют прежде всего эту логическую (диалектическую) базу.

Обычно, когда хотят иллюстрировать семантико-функциональную нерасторжимость компонентов сложного предложения, прибегают к помощи предложений, в которых общая (аксиологическая квалификационная) мысль сформулирована описательно, т. е. при строгой необходимости обеих частей сложного предложения; без одной из этих частей нет сложного предложения с отмеченным значением: «*Все прогрессы реакционны, если рушится человек*» (А. Вознесенский). В основе нерасторжимости компонентов данного сложноподчинённого предложения лежит, прежде всего, отмеченная диалектика условия и следствия: следствия нет без условия или причины и наоборот. «*Все прогрессы реакционны*» как компонент не имеет логической базы сам по себе. И претендовать на «всеобщность смысла» это предложение не может. Аксиоматичность значения приобретает вся конструкция (сложноподчинённого предложения), когда оба компонента «проясняют» друг друга: «этот факт реален, если есть такое-то условие». Вне этого условия нет самого факта реакционности всякого прогресса.

Однако семантико-структурную целостность сложного предложения нельзя, как нам представляется, подчинять лишь логике самой жизни, самих жизненных фактов. В сложносочинённых предложениях эта связь ослабевает и факты могут восприниматься в отдельности (*Создаёт человека при-*

рода. Развивает и образует человека общество.), хотя выражение «*Создаёт человека природа, но развивает и образует его общество*» (В. Белинский) структурировано на основе всё той же диалектики единства противоположностей.

Таким образом, цельность, целостность сложного предложения как особого уровня языковой системы следует представлять, наряду с диалектикой соотносящихся фактов действительности, сугубо языковыми показателями, присущими тому или иному типу сложного предложения.

Семантико-функциональную целостность сложноподчинённых конструкций доказывать особого труда не требует. Если исходить из буслаевского понимания сложноподчинённых предложений, то последние представляют распространённый вариант простых предложений; придаточное является элементом главного предложения, элементом, замещающим отсутствующий член главного предложения [см. 4, с. 278-280]. На этом основании Ф.И. Буслаев и представлял свою классификацию придаточных предложений; впоследствии эта классификация стала ведущей в синтаксисе, хотя с 60-х годов XX века стали говорить о том, что классификация СПП по членам предложения не охватывает всего множества разновидностей придаточных предложений. Такие придаточные, как пояснительные (с союзом **то есть**, **а именно**), присоединительные (с союзным словом **что**) и следственные (с союзом **так что**) [см. об этом 19, с. 554], не находят места в этой классификации.

В данном случае вопрос о принципах классификации не входит в сфе-

ру нашего внимания, поскольку речь идёт о показателях целостности ПСС и сложного предложения в целом.

Однако считаем нужным всё же сказать несколько слов по этому вопросу. ПСС как «синтаксически неделимые» единицы требуют особого отношения в силу степени своей фразеологизованности. Эти единицы (особенно ПСС сложноподчинённой структуры) употребляются в народном языке в определённой, установленной форме и, как нами уже было отмечено, не допускают особых трансформаций в целях теоретических манипуляций, которые совершаются на материале обычных предложений при синтаксическом анализе.

Если считать, что сложноподчинённые предложения с союзами **то есть**, **так что** и союзным словом **что** исконно русские конструкции, то они должны были быть представлены в паремиологическом фонде русского языка хотя бы в своих синонимических вариантах. Типы смысловых отношений присоединения или пояснения, в принципе, представлены в фонде ПСС: *Гость на двор – и беда с ним; Рука руку моет – обе белы живут* (следственные отношения), *Чужого не хватай, и своего не давай* (присоединительные). [См. 6, с. 238]. Но, как видим, эти предложения не сложноподчинённые и в систему классификации придаточных не могут быть вовлечены.

Это означает, что отсутствие присоединительных, следственных и пояснительных придаточных в конструкциях ПСС сложноподчинённой формы можно считать объективным фактом. И этот факт заставляет задуматься над логической корректностью классификации придаточных, кото-

рую предлагал Ф.И. Буслаев; в паремиологическом фонде русского языка живут только те сложноподчинённые предложения, которые построены по модели конструкций с:

а) подлежащим придаточным (*Кто добро творит, того зло не вредит*);

б) сказуемым придаточным (*Какова псу кормля, такова его и ловля*);

в) придаточным дополнения (*И сам тому не рад, что родился горбат*);

г) определительным придаточным (*Которая корова пала, та по два удоя давала*);

д) обстоятельственным придаточным (*Когда в печи жарко, тогда и варко*).

Типы придаточных, которые не укладываются в рамки логико-грамматической (буслаевской) классификации, таким образом, оказываются не представленными в паремиологическом фонде. Это, видимо, не случайно. Думается, что эти конструкции (с присоединительным, пояснительным и следственным придаточными) в современном языке следует всё-таки квалифицировать как поздние образования и к тому же как синкретичные: они по форме напоминают сложноподчинённые предложения (Поэтому *x* равен нулю, что и следовало доказать и т. п.), а по смысловым отношениям «очень близки к сочинённым предложениям с местоимением **это**, соответствующим союзному слову **что**» [см. 10, с. 295].

Поэтому классификация, которая вполне адекватно реагирует на синкретичные (переходные) конструкции должна быть признана строго принципиальной. Факт её «узости» в данном случае поддерживает теоретическую обоснованность её модели, но не до-

казывает её неполнокровность [см. 7, с. 9-18].

Подобные факты соответствия/ несоответствия теоретическим установкам приводит к мысли о справедливости призыва В.И. Даля о необходимости «переверстать грамматику по пословицам» (11, с. 23).

Следовательно, семантико-синтаксическая связанность, фразеологизированность ПСС подчинительной модели обнаруживается генетически – на уровне грамматической организации.

Что касается сложноподчинённых структур, то в них целостность семантической структуры проявляется несколько иначе – в зависимости от степени диффузии соотнесённых компонентов. Следствием подобной диффузии, которая в определённой мере характерна и для сложноподчинённых структур параллельного устройства, являются процессы, называемые редукцией и контаминацией.

Процесс редукции (усечения, сокращения) одной из частей ПСС нельзя рассматривать как причину семантико-синтаксической связанности, цельности ПСС. Редукция – это закономерный результат этой цельности, которую достигают те или иные конструкции ПСС вследствие взаимоотношения обеих частей, взаимоопределения. Эти взаимоотношения создают условия для развития семантической цельности двучастной конструкции, для развития степени её фразеологизированности.

Устойчивая воспроизводимость сложных единиц в языке обуславливает постепенное сокращение их лексико-грамматического состава, а часто и их компонентов – предикативных единиц:

– *Ешь пироги с грибами, да держи язык за зубами* [1, с. 94] = *Держи язык за зубами* (поговорка) = *держат язык за зубами* (фразеологическая единица (ФЕ)).

Сложная структура сокращается (усекается) только материально, уменьшается в объёме, превращаясь из двучастного (зачастую из многокомпонентного) в одночастную, простую предложенческую структуру. Вместе с тем эта одночастная структура живёт за счёт той семантики, того смысла, который представлялся и выражался полипредикативной (двух- и более компонентной) конструкций. Иными словами, общий смысл (семантическая структура) пословицы «Своя ноша не тянет, свой дым глаз не ест» [11, с. 325] формируется на почве логической сопоставимости двух явлений (всё, что делается для себя, неутомительно и свой «негатив не раздражает»), которые представляют физический и духовный миры человека.

Однако мало кто знает о наличии второй части этой ПСС. И те, кто употребляет её, знают в основном простую конструкцию: сформировалась монопредикативная структура, которая представлена во многих сборниках пословиц и поговорок [см. 20, с. 86; 1, с. 281]. В любом варианте (сложном или простом) пословица имеет один и тот же смысл, хотя всё же первоначально этот смысл складывался на почве сравнения явлений, о которых мы упомянули выше. «Таким образом, отсутствие второй части следует понимать как наличие отсутствующего элемента, как категорию «наличия отсутствия», – пишет Ф.С. Бахшиева [2, с. 41].

В целом солидаризуясь с автором о результатах редукции определённой

части ПСС, хотелось бы сказать, что не следует связывать отмеченный процесс лишь со стремлением к лаконизации речи [там же, с. 43]. Здесь, видимо, задействованы определённые закономерности, приводящие к лаконизации речи, к сокращению материального объёма сложной пословицы.

Представляется, что основной причиной всё же является степень фразеологизированности: чем выше степень фразеологической воспроизводимости, тем вероятнее выпадение, редукция одной из частей ПСС.

Эта закономерность поддерживается не всеми видами ПСС одинаково. Здесь проявляют себя и некоторые другие факторы.

Очень часто редуцируются части ПСС, которые находятся в отношениях синонимии или взаимного пояснения. Так, в приведённом примере «Своя ноша не тянет, свой дым глаз не ест» между компонентами устанавливаются отношения «своё даже плохое воспринимается положительно». Это значение присуще обоим частям данной ПСС, то есть оно общее для них как для близких, синонимичных предложений. Это положение, на наш взгляд, и делает возможным усечение, отсечение одной из частей ПСС, потому что оба компонента исходной ПСС имеют одинаковое значение – «для разоблачения всякого используют прежде всего его слабые места». Такая семантическая «пропорциональность» создаёт условия для редукции одной из частей ПСС. Это можно подтвердить наличием целого ряда ПСС, в которых части сильно противопоставлены (в пределах антонимического сравнения), в силу чего редукция одного из компонентов становится не совсем реальной:

Кормит калачом, да в спину кирпичом [1, с. 14];

Начал за здравие, а свёл на упокой [1, с. 204].

Одной из причин редукции части ПСС является ненормативность выражения, составляющего компонент ПСС. Эти части составляют «этимологический» компонент исходной конструкции, однако в речи сопровождаются многозначной паузой, а в письменной – многоточием; иногда это такие широко распространённые пословицы, о наличии вторых частей в которых носители языка и не догадываются.

Мы, имея определённый материал для сравнения нормативных и ненормативных паремий, приходим к заключению о том, что основная масса единиц пословичного фонда языка структурирована как бинарно-оппозитивная конструкция. Бинарность (двухчастность, двухполярность) строения пословиц обусловлена не грамматической природой сложного предложения. Такая форма конструирования пословиц задана, продиктована той диалектикой соотносённости фактов реальной действительности, которую (диалектику) отражают синтаксические модели ПСС. Эта диалектика, как уже было нами отмечено, составляет как раз основу семантической структуры пословицы. Абсолютная обобщённость значения (смысла) пословицы, опирающаяся на диалектику фактов действительности, составляет характерную особенность этого жанра народной поэзии, этой формы народного мышления. В этом смысле пословицы противопоставлены и поговоркам (6), и притчам, и загадкам. Следовательно, «двухпредикатив-

ность» пословиц обусловлена их семантической сущностью – быть отражением логических моделей картины мира, который представлен в пословицах в своём обобщённом воплощении.

Поэтому пословичные конструкции предстают, по сравнению с другими малыми жанрами фольклора, как особая форма концептуализации фактов реальной и идеальной действительности.

Многие монопредикативные пословичные единицы – это редуцированная форма этимонной структуры. Наблюдения показывают, что редукции обычно подвергаются придаточные так называемой двучленной структуры.

Когда речь идёт о фразеологизованности общей конструкции, мы должны иметь в виду степень фразеологизованности всего ПСС. Особенно ярко проявляется развитие фразеологизованности в сфере применения тех пословичных конструкций, о генетической двучастности которых не догадываются даже носители языка. Редуцированные конструкции ими воспринимаются как монопредикативные единицы, иногда уже как поговорочное высказывание: *Ни кола, ни двора (Ни кола, ни вола, ни мила живота, ни образа помолиться, ни хлеба чем подавиться, ни ножа чем зарезаться)* [11, с. 592].

Таким образом, двух- и многокомпонентные конструкции пословиц представляют «внутреннюю форму» монопредикативных поговорочных единиц, поддерживая уже условность семантики последних, высоко фразеологизованную семантику.

Фразеологическая целостность ПСС и их семантики фактически и

материально иллюстрируется общей тенденцией сокращения сложных конструкций в направлении лаконизации, уменьшения их объёма, о чём свидетельствует рассмотренный материал. Обратную тенденцию – увеличения объёма простых или сложных конструкций пословиц – мы не наблюдаем. Это означает, что повышение степени устойчивости и воспроизводимости (фразеологизации) тех или иных сложных конструкций связано именно с сокращением текста, материального объёма пословичных выражений. Нам думается, что эта закономерность однозначно проявляется в образовании классических фразеологических единиц на базе пословиц, притч, загадок, поверий, заклинаний и т. п. «текстов», т. е. более объёмных единиц, чем ФЕ. Особо значимых фактов образования пословиц – сложных или многокомпонентных – на базе фразеологических единиц мы не наблюдали, хотя иногда фразеологи отмечают единичные факты [см. 9, с. 64; 14, с. 119]. Последние однозначно не могут быть приняты, они вызывают сомнения, поскольку выражение «*смотрит как баран*» нам не кажется первичным по отношению к «*смотрит как баран на новые (писанные) ворота*». Скорее всего, наоборот, «*смотрит как баран на писанные ворота (т. е. ворота ярмарки, куда его ведут продавать)*» породило единицу меньшего объёма. Об этом говорит и А.А. Потебня, считающий фразеологизмом слово «*везёт*» из более сложной единицы «*Дураку и счастье везёт дрова*» из известной притчи [16, с. 518].

Под контаминацией, вслед за Ф.С. Бахшиевой, мы понимаем сжатие, компрессию элементов двухчастной ПСС в одно монопредикативное пред-

ложение. В результате этого процесса обе части ПСС своеобразно диффузируют друг в друга, из ПСС складывается новая, сокращенная – контаминированная конструкция [2, с. 29-35].

Так, например, *Изба красна пирогами = Изба красна не углами, она красна пирогами; Бабушка гадала, да надвое сказала = Бабушка надвое сказала* (Ср. *Бабушка гадала, да надвое сказала: либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет*) [13, с. 33].

Процесс контаминации достаточно широко освещён в отмеченной работе Ф.С. Бахшиевой. Поэтому мы ограничимся только указанием на то, что контаминация лишний раз подтверждает направление эволюции паремиологических единиц – от большего текста к меньшему, к наибольшей условности паремийного выражения как языкового знака, к кристаллизации семантического ядра ПСС и, наконец, к созданию целостного семантического облика ПСС.

Однако отмеченная тенденция охватывает не все структурные типы ПСС.

Фактор, наоборот сдерживающий процесс компонентного сокращения ПСС сложной и многокомпонентной структуры, представлен корпусом ПСС с разнофункциональными компонентами.

В системе самостоятельных речевых актов они выполняют различные функции – констатива, побуждения-директива, вопроса. В системе ПСС все эти «смыслы» обслуживают одну функцию – генерализованный (концептуально-символический) смысл констатирующей единицы, констатирующего языкового знака, который занимает центральную позицию в системе речевых актов.

Этим ещё раз подтверждается семантико-структурная целостность ПСС в русском языке.

Итак, думается, мы рассмотрели основные факторы и явления, подтверждающие семантико-структурную целостность сложного предложения в облике ПСС в направлении формирования их «совершенного минимума».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988, 432 с.
2. Бахшиева Ф.С. Семантико-структурные изменения в пословицах и поговорках русского языка: дисс. ...канд. фил.наук. Баку, 2000, 158 с.
3. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967, 160 с.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. ы624 с.
5. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1967. 330 с.
6. Вальтер Х., Мокиенко В.. Прикольный словарь. Антипословицы и антиафоризмы. М.: Нева, 2006.
7. Гамидов И.Г. В защиту логико-грамматической классификации сложноподчинённых предложений // Проблемы системной организации языка (сборник статей к 60-летию Р.С. Мирзоева). Баку: Изд-во АПИ им. М.Ф. Ахундова, 1998. С. 9-18.
8. Гамидов И.Г. О разграничении пословиц и поговорок // Филологический сборник (сборник статей в честь 80-летия М.Т. Тагиева). Баку: изд-во БСУ, 2001, С. 238-251.

9. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов-на-Дону: и-во Ростовского-на-Дону университета, 1977. 183 с.
10. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Часть 2. М.: Учпедгиз, 1961. 244 с.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа (напутное). М.: Учпедгиз, 1957. 990 с.
12. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
13. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 2-е изд., М.: Советская энциклопедия, 1967. 535 с.
14. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. 5-е изд. . Т. 1–2. М.: Терра, 1994. 779–800 с.
15. Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 338-354.
16. Попова И.А. Сложносочинённое предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 355-396.
17. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Эксмо, 2010. 570 с.
18. Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2002. 558 с.
19. Современный русский язык. Теория, анализ языковых единиц / Под ред. Е.И. Дибровой в двух частях. Ч. 2-я, 2-е изд. , М.: Academia, 2006. 618 с.
20. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика, Петрозаводск: ПГУ, 1999. 446 с.

REFERENCE

1. Anikin V.P. Russkie poslovitsy i pogovorki [Russian Proverbs and sayings]. М., Khudozhestvennaya literatura, 1988. 432 p.
2. Bakhshieva F.S. Semantiko-strukturnye izmeneniya v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo yazyka: diss. ... kand. fil.nauk [Semantic-structural changes in the Proverbs and sayings of the Russian language: candidate of Philological Sciences thesis]. Baku, 2000, 158 p.
3. Beloshapkova V.A. Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke [Complex sentence in the modern Russian language]. М., Prosveshchenie, 1967. 160 p.
4. Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]. М., Uchpedgiz, 1959. 624 p.
5. Valimova G.V. Funktsional'nye tipy predlozhenii v sovremennom russkom yazyke [Functional types of sentences in the modern Russian language]. Rostov-on-don, izd-vo RGU, 1967. 330 p.
6. Val'ter KH., Mokienko V. Prikol'nyi slovar'. Antiposlovitsy i antiaforizmy [Funny dictionary. Antisayings and antiaphorisms]. М., Neva, 2006.
7. Gamidov I.G. V zashchitu logiko-grammaticheskoi klassifikatsii slozhnopodchinennykh predlozhenii [In defense of logical-grammatical classification of complex sentences] // Problemy sistemnoi organizatsii yazyka (sbornik statei k 60-letiyu R.S. Mirzoeva) [Problems of systemic organization of the language (collection of articles dedicated to the 60th anniversary of R. Mirzoev)]. Baku, Izd-vo API im. M.F.Akhundova, 1998. pp. 9–18.
8. Gamidov I.G. O razgranichenii poslovits i pogovorok [On the distinction between Proverbs and sayings] // Filologicheskii sbornik (sbornik statei v chest' 80-letiya M.T. Tagieva) [The philological collection (collection of articles dedicated to the 80th anniversary of M. Tagiyev)]. Baku, izd-vo BSU, 2001. pp. 238–251.
9. Gvozdarev YU.A. Osnovy russkogo frazobrazovaniya [The foundations of the Russian phrase-creating]. Rostov-on-Don, Izd. Rostovskogo-na-Donu universiteta, 1977. 183 p.

10. Gvozdev A.N. *Sovremenniy russkii literaturny yazyk. CHast' 2* [Modern Russian literary language. Part 2]. M., Uchpedgiz, 1961. 244 p.
11. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda (naputnoe)* [Proverbs of the Russian people (naputnoe)]. M., Uchpedgiz, 1957. 990 p.
12. Zhukov V.P. *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. M., Vysshaya shkola, 1986. 310 p.
13. Zhukov V.P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and sayings]. Ed. 2nd. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1967. 535 p.
14. Mikhel'son M.I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. T. 1–2* [Russian thought and speech. Own and others. The experience of Russian phraseology. Vol. 1–2]. Ed. 5th. M., Terra, 1994.
15. Pospelov N.S. *O grammaticheskoi prirode i printsipakh klassifikatsii bessoyuznykh slozhnykh predlozhenii* [On the grammatical nature and the principles of classification of conjunctionless compound sentences] // *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Questions of syntax of modern Russian language]. M., Uchpedgiz, 1950. pp. 338–354.
16. Popova I.A. *Slozhnosochinennoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke* [Compound sentence in the modern Russian language] // *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Questions of syntax of modern Russian language]. M., Uchpedgiz, 1950. pp. 355–396.
17. Snegirev I. M. *Russkie narodnye poslovitsy i pritchi* [Russian folk Proverbs and parables]. M., Eksmo, 2010. 570 p.
18. *Sovremenniy russkii yazyk* [Modern Russian language]. M., Drofa, 2002. 558 p.
19. *Sovremenniy russkii yazyk. Teoriya, analiz yazykovykh edinit. V dvukh chastyakh. CH. 2-ya.* [Modern Russian language. The theory and analysis of linguistic units, in two parts. Part 2.]. Ed. 2nd. M., Academia, 2006. 618 p.
20. Tarlanov Z.K. *Russkie poslovitsy: sintaksis i poetika* [Russian Proverbs: the syntax and poetics]. Petrozavodsk, PGU, 1999. 446 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Набиева Севиль Ярбала гызы – докторант Бакинского славянского университета;
e-mail: renatagiyeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sevil Nabiyeva – postgraduate student of Baku Slavic University;
e-mail: renatagiyeva@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Набиева С.Я. Семантико-структурная целостность как категориальный признак сложного предложения и её языковое выражение // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 79-88. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-79-88

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

S. Nabiyeva. Semantic-structural unity as a categorical feature of complex sentence and its linguistic expression // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology.* 2016. no 5. pp. 79-88. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-79-88